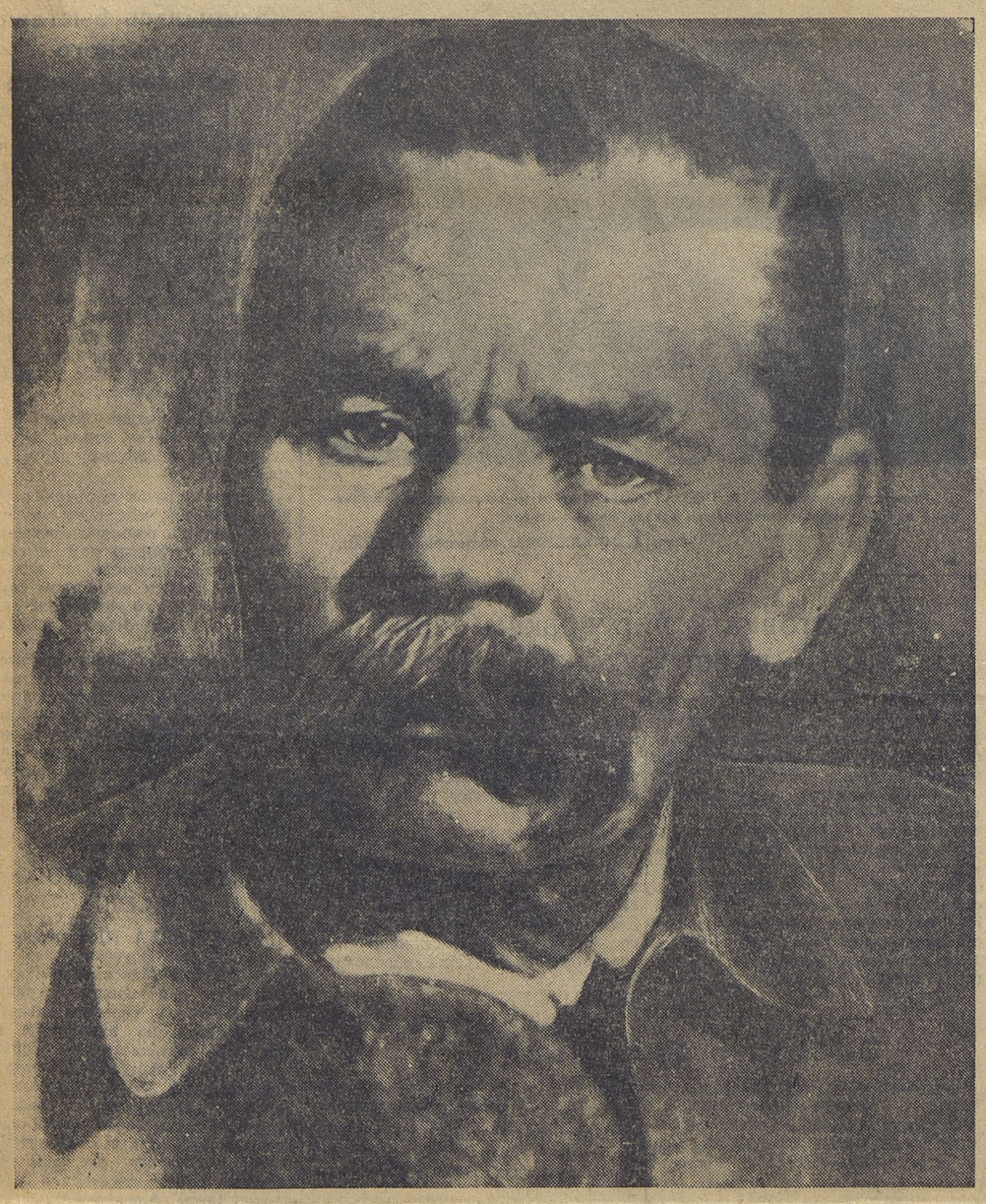
КРАСНОЕ ЗНАМЯ
г. Сочи

К 16-летию СО ДНЯ СМЕРТИ АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО



Алексей Максимович ГОРЬКИЙ.

(Снимок сделан в 1928 г.)

☆☆☆

Сегодня исполнилось 16 лет со дня смерти гениального русского писателя Алексея Максимовича Горького. Его творчество близко и дорого не только советскому народу, но и всему прогрессивному человечеству. Великий мастер слова был вместе с тем страстным борцом за мир и демократию, против «свинцовых мерзостей» капитализма, фашизма и войны. Его произведения проникнуты глубокой верой в победу над темными силами реакции.

Мы публикуем сегодня отрывок из повести А. М. Горького «Мать» и его публицистическое произведение «Один из королей республики», в котором писатель разоблачает отвратительную сущность слуг «Желтого Дьявола», американских банкиров, этих зверей в человеческом образе.

ПАВЕЛ НА СУДЕ

XXV

М. ГОРЬКИЙ.
Отрывок из повести «Мать».

...Позвонил колокольчик. Кто-то равнодушно объявил:

— Суд идет...

Снова все встали, и снова, в том же порядке, вошли судьи, уселись. Ввели подсудимых.

— Держись! — шепнул Сизов. — Прокурор говорить будет.

Мать вытянула шею, всем телом подалась вперед и замерла в новом ожидании страшного.

...Но вот поднялся Павел, и вдруг стало неожиданно тихо. Мать качнулась всем телом вперед. Павел заговорил спокойно:

— Человек партии, я признаю только суд моей партии и буду говорить не в защиту свою, а — по желанию моих товарищей, тоже отказавшихся от защиты, — попробую объяснить вам то, чего вы не поняли. Прокурор назвал наше выступление под знаменем социал-демократии — бунтом против верховной власти и все время рассматривал нас как бунтовщиков против царя. Я должен заявить, что для нас самодержавие не является единственной цепью, оковавшей тело страны, оно только первая и ближайшая цепь, которую мы обязаны сорвать с народа...

Тишина углублялась под звуками твердого голоса, он как бы расширял стены зала. Павел точно отодвигался от людей далеко в сторону, становясь выпуклее.

... — Мы — социалисты. Это значит, что мы враги частной собственности, которая разъединяет людей, вооружает их друг против друга, создает непримиримую вражду интересов, лжет, стараясь скрыть или оправдать эту вражду, и развращает всех ложью, лицемерием и злобой. Мы говорим: общество, которое рассматривает человека только как орудие своего обогащения, — противочеловечно, оно враждебно нам, мы не можем примириться с его моралью, двуличной и лживой; цинизм и жестокость его отношения к личности противны нам, мы хотим и будем бороться против всех форм физического и морального порабощения человека таким обществом, против всех приемов дробления человека в угоду корыстолюбию. Мы, рабочие, — люди, трудом которых создается все — от гигантских машин до детских игрушек, мы — люди, лишенные права бороться за свое человеческое достоинство, нас каждый старается и может обратить в орудие для достижения своих целей, мы хотим теперь иметь столько свободы, чтобы она дала нам возможность со временем завоевать всю власть. Наши лозунги просты — долой частную собственность, все средства производства — народу, вся власть — народу, труд — обязателен для всех. Вы видите — мы не бунтовщики!

Павел усмехнулся, медленно провел рукой по волосам, огонь его голубых глаз вспыхнул светлее.

... — Мы — революционеры и будем таковыми до поры, пока одни — только командуют, другие — только работают. Мы стоим против общества, интересы которого вам приказано защищать, как непримиримые враги его и ваши, и примирение между нами невозможно до поры, пока мы не победим. Победим мы, рабочие! Ваши доверители совсем не так сильны, как им кажется. Та же собственность, накопляя и сохраняя которую они жертвуют миллионами порабощенных ими людей, та же сила, которая дает им власть над нами, возбуждает среди них враждебные трения, разрушает их физически и морально. Собственность требует слишком много напряжения для своей защиты, и, в сущности, все вы, наши владыки, более рабы, чем мы, — вы порабощены духовно, мы — только физически. Вы не можете отказаться от гнета предубеждений и привычек — гнета, который духовно умертвил вас, — нам ничто не мешает быть внутренно свободными, — яды, которыми вы отравляете нас, слабее тех противоядий, которые вы — не желая — вливаете в наше сознание. Оно растет, оно развивается безостановочно, все быстрее, оно разгорается и увлекает за собой все лучшее, все духовно здоровое даже из вашей среды. Посмотрите — у вас уже нет людей, которые могли бы идейно бороться против всех форм физического и морального порабощения человека таким обществом, против всех приемов дробления человека в угоду корыстолюбию. Мы, рабочие, — люди, трудом которых создается все — от гигантских машин до детских игрушек, мы — люди, лишенные права бороться за свое человеческое достоинство, нас каждый старается и рабочего сливает всех рабочих мира в одну душу, — вы ничем не можете задержать этот процесс обновления жизни, кроме жестокости и цинизма. Но цинизм — очевиден, жестокость — раздражает. И руки, которые сегодня нас душат, скоро будут товарищески пожимать наши руки. Ваша энергия — механическая энергия роста золота, она объединяет вас в группы, призванные пожрать друг друга, наша энергия — живая сила все растущего сознания солидарности всех рабочих. Все, что делаете вы, — преступно, ибо направлено к порабощению людей, наша работа освобождает мир от призраков и чудовищ, рожденных вашею ложью, злобой, жадностью, чудовищ, запугавших народ. Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединяет разрушенный вами мир во единое великое целое, и это — будет!

Павел остановился на секунду и повторил тише, сильнее:

— Это — будет!

Судьи перешептывались, странно гримасничая, и все не отрывали жадных глаз от Павла, а мать чувствовала, что они грязнят его гибкое, крепкое тело своими взглядами, завидуя здоровью, силе, свежести. Подсудимые внимательно слушали речь товарища, лица их побледнели, глаза сверкали радостно. Мать глотала слова сына, и они врезывались в памяти ее стройными рядами. Старичок, несколько раз останавливая Павла, что-то разъяснял ему, однажды даже печально улыбнулся — Павел молча выслушивал его и снова начинал говорить сурово, но спокойно, заставляя слушать себя, подчиняя своей воле — волю судей. Но наконец старик закричал, протягивая руку к Павлу; в ответ ему немного насмешливо, лился голос Павла:

— Я кончаю. Обидеть лично вас я не хотел, напротив — присутствуя невольно при этой комедии, которую вы называете судом, я чувствую почти сострадание к вам. Все-таки — вы люди, а нам всегда обидно видеть людей, хотя и враждебных нашей цели, но так позорно приниженных служением насилию, до такой степени утративших сознание своего человеческого достоинства.

Он сел, не глядя на судей, мать, сдерживая дыхание, пристально смотрела на судей, ждала.

М. ГОРЬКИЙ. ОДИН ИЗ КОРОЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ

...Пальцы его рук обладают удивительным чутьем и волшебной силой удлиняться по желанию: если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар, — он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места.

Странно, что при всем этом я не мог представить — какой вид имеет голова чудовища. Более того, голова казалась мне совершенно лишней при этой массе мускулов и кости, одушевленной влечением выжимать из всего золото. Вообще, мое представление о миллионере не имело законченной формы. В кратких словах, это были прежде всего длинные эластичные руки. Они схватили весь земной шар, приблизили его к большой, темной пасти, и эта пасть сосет, грызет и жует нашу планету, обливая ее жадной слюной, как горячую печеную картофелину...

Можете вообразить мое изумление, когда я, встретив миллионера, увидал, что это самый обыкновенный человек.

Передо мной сидел в глубоком кресле длинный, сухой старик, спокойно сложив на животе нормального размера коричневые сморщенные руки обычной человеческой величины.

— ...Это вы... миллионер? — спросил я, не веря своим глазам.

— О, да! — ответил он, убежденно кивая головой.

Я сделал вид, что верю ему, и решил сразу вывести его на чистую воду.

— Сколько вы можете съесть мяса за завтраком? — поставил я ему вопрос.

— Я не ем мяса! — объявил он. — Ломтик апельсина, яйцо, маленькая чашка чая — вот все...

Его невинные глаза младенца тускло блестели передо мной, как две большие капли мутной воды, и я не видел в них ни одной искры лжи.

— Хорошо! — сказал я в недоумении. — Но, будьте искренни, скажите мне откровенно — сколько раз в день едите вы?

— Два! — спокойно ответил он. — Завтрак и обед — это вполне достаточно для меня. На обед тарелка супа, белое мясо и что-нибудь сладкое. Фрукты. Чашка кофе. Сигара...

Мое изумление росло с быстротой тыквы. Он смотрел на меня глазами святого. Я перевел дух и сказал:

— Но если это правда, — что же вы делаете с вашими деньгами?

Тогда он немного приподнял плечи, его глаза пошевелились в орбитах, и он ответил:

— Я делаю ими еще деньги...

— Зачем?

— Чтобы сделать еще деньги...

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, упираясь локтями в ручки кресла и, с оттенком некоторого любопытства, спросил:

— Вы — сумасшедший?

— А вы? — ответил я вопросом.

Старик наклонил голову и сквозь золото зубов протянул:

— Забавный малый... Я, может быть, первый раз вижу такого...

— ...Чем же вы занимаетесь? — спросил я.

— Делаю деньги! — кратко сказал он, подняв плечи.

— Фальшивый монетчик? — с радостью воскликнул я; мне показалось, что я приближаюсь к открытию тайны. Но тут он начал негромко икать. Все его тело вздрагивало, как будто невидимая рука щекотала его под мышками. Его глаза часто мигали.

— Это весело! — сказал он, успокоясь и обливая мое лицо влагой довольного взгляда. — Спросите еще что-нибудь! — предложил он и зачем-то надул щеки.

Я подумал и твердо поставил ему вопрос:

— Как вы делаете деньги?

— А! Понимаю! — сказал он, кивая головой. — Это очень просто. У меня железные дороги. Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно оставить фермеру денег, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше, а все остальное берешь себе, как тариф за провоз. Очень просто.

— Фермеры довольны этим?

— Не все, я думаю! — сказал он с детской простотой. — Но, говорят, все люди ничем и никогда не могут быть довольны. Всегда есть чудаки, которые ворчат...

— Правительство не мешает вам? — скромно спросил я.

— Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. — Ага... Это те... в Вашингтоне? Нет, они не мешают. Это очень добрые ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба. Но их редко видишь... Поэтому иногда забываешь о них. Нет, они не мешают, — повторил он и тотчас же с любопытством спросил:

— А разве есть правительства, которые мешают людям делать деньги?

Я почувствовал себя смущенным моей наивностью и его мудростью.

— Нет, — тихо сказал я, — я не о том... Я, видите ли, думал, что иногда правительство должно бы запрещать явный грабеж...

— Н-но! — возразил он. — Это идиализм. Здесь это не принято. Правительство не имеет права вмешиваться в частные дела...

Моя скромность увеличивалась перед этой спокойной мудростью ребенка.

— Но разве разорение одним человеком многих — частное дело? — вежливо осведомился я.

— Разорение, — повторил он, широко открыв глаза. — Разорение — это когда дороги рабочие руки. И когда стачка. Но у нас есть эмигранты. Они всегда понижают плату рабочим и охотно замещают стачечников. Когда их наберется в страну достаточно для того, чтобы они дешево работали и много покупали, — все будет хорошо.

Он несколько оживился и стал менее похож на старика и младенца, смешанных в одном лице. Его тонкие темные пальцы зашевелились, и сухой голос быстрее затрещал в моих ушах.

— Правительство? Это, пожалуй, интересный вопрос, да. Хорошее правительство необходимо. Оно разрешает такие задачи: в стране должно быть столько народа, сколько мне нужно для того, чтобы он купил у меня все, что я хочу продать. Рабочих должно быть столько, чтобы я в них не нуждался. Но — ни одного лишнего! Тогда — не будет социалистов. И стачек. Правительство не должно брать высоких налогов. Все, что может дать народ — я сам возьму. Вот что я называю — хорошее правительство.

«Он обнаруживает глупость, — это несомненный признак сознания своего величия, — подумал я. — Пожалуй, он действительно король...»

— Мне нужно, — продолжал он уверенным и твердым тоном, — чтобы в стране был порядок. Правительство нанимает за небольшую плату разных философов, которые не менее восьми часов каждое воскресенье учат народ уважать законы. Если для этого недостаточно философов — пускайте в дело солдат. Здесь важны не приемы, а только результаты. Потребитель и рабочий обязаны уважать законы. Вот и все! — закончил он, играя пальцами.

— Нет он не глуп, едва ли он король! — подумал я и спросил: — Вы довольны современным правительством?

Он ответил не сразу.

— Оно делает меньше, чем может. Я говорю: эмигрантов нужно пока пускать в страну. Но у нас есть политическая свобода, которой они пользуются, — за это нужно заплатить. Пусть же каждый из них привозит с собой хотя бы 500 долларов. Человек, у которого есть 500 долларов, в десять раз лучше того, который имеет только 50... Дурные люди — бродяги, нищие, больные и прочие лентяи нигде не нужны.

— Но ведь это сократит приток эмигрантов... — сказал я.

Старик утвердительно кивнул головой.

— Со временем я предложу совершенно закрыть для них двери в страну... А пока, пусть каждый привезет немного золота... Это полезно для страны. Потом, необходимо увеличить срок для получения гражданских прав. Впоследствии его придется вовсе уничтожить. Пусть те, которые желают работать для американцев, — работают, но совсем не следует давать им права американских граждан. Американцев уже довольно сделано. Каждый из них сам способен позаботиться о том, чтобы население страны увеличивалось. Все это — дело правительства. Его необходимо поставить иначе. Члены правительства все должны быть акционерами в промышленных предприятиях, — тогда они скорее и легче поймут интересы страны. Теперь мне нужно покупать сенаторов, чтобы убедить их в необходимости для меня... разных мелочей. Тогда это будет лишнее...

Он вздохнул, дрыгнул ногой и добавил:

— Жизнь видишь правильно только с высоты горы золота.

Теперь, когда его политические взгляды были достаточно ясны, я спросил его:

— А как вы думаете о религии?

— О! — воскликнул он, ударив себя по колену и энергично двигая бровями. — Очень хорошо думаю! Религия — это необходимо народу. Я искренне верю в это! И даже сам по воскресеньям говорю проповеди в церкви... да, как же!

— А что вы говорите? — спросил я.

— Все, что может сказать в церкви истинный христианин, все! — убежденно сказал он. — Я проповедую, конечно, в бедном приходе — бедняки всегда нуждаются в добром слове и отеческом поучении... Я говорю им...

...Он тихо начал:

— Братья и сестры во христе! Не поддавайтесь внушениям хитрого дьявола зависти, гоните прочь от себя все земное. Жизнь на земле кратковременна: человек только до сорока лет хороший работник, после сорока — его уже не принимают на фабрики. Жизнь — не прочна. Вы работаете, — неверное движение руки — и машина дробит вам кости, — солнечный удар — и готово! Вас везде стерегут болезни, всюду несчастия! Бедный человек подобен слепому на крыше высокого дома, — куда бы он ни пошел, он упадет и разобьется, как говорит апостол Иаков, брат апостола Иуды. Братья! Вы не должны ценить земную жизнь, она — создание дьявола, похитителя душ. Царство ваше, о милые дети Христа, не от мира сего, как и царство отца вашего, — оно на небесах...

Он указал рукою в потолок, подумал и продолжал холодно и твердо:

— Да, дорогие братья и сестры! Вся эта жизнь пуста и ничтожна, если мы не приносим ее в жертву любви к ближнему, кто бы он ни был. Не отдавайте сердца во власть бесам зависти! Чему вы можете завидовать? Земные блага — это призраки, это игрушки дьявола. Мы все умрем — богатые и бедные, цари и углекопы, банкиры и чистильщики улиц. В прохладных садах рая, быть может, углекопы станут царями, а царь будет сметать метлой с дорожек сада опавшие листья и бумажки от конфет, которыми вы будете питаться каждый день. Братья! Чего желать на земле, в этом темном лесу греха, где душа плутает как ребенок? Идите в рай путем любви и кротости, терпите молча все, что выпадет вам на долю. Любите всех и даже унижающих вас...

Он вновь закрыл глаза и, покачиваясь в кресле, продолжал:

— Не слушайте людей, которые возбуждают в сердцах ваших греховное чувство зависти, указывая вам на бедность одних и богатство других. Эти люди — посланники дьявола, господь запрещает завидовать ближнему. И богатые бедны, они бедны любовью к ним. Возлюбите богатого, ибо он есть избранник божий! — восклицал Иуда, брат господень, первосвященник храма. Не внимайте проповеди равенства и других измышлений дьявола. Что значит равенство здесь, на земле? Стремитесь только сравняться друг с другом в чистоте души перед лицом бога вашего. Несите терпеливо крест ваш, и покорность облегчит вам эту ношу. С вами бог, дети мои, и больше вам ничего не нужно!

Старик замолчал, расширив рот, и, блестя золотом зубов, с торжеством посмотрел на меня.

— Вы хорошо пользуетесь религией! — заметил я.

— О, да! Я знаю цену ей, — сказал он. — Повторяю вам — религия необходима для бедных. Мне она нравится. На земле все принадлежит дьяволу, говорит она. О, человек, если хочешь спасти душу, не желай и ничего не трогай здесь на земле. Ты насладишься жизнью после смерти — на небе все для тебя! Когда люди верят в это — с ними легко иметь дело. Да. Религия — масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста...

— ...А негра вы никак не можете признать за человека? — осведомился я, подавленный моралью демократической страны.

— Вот наивный малый! — воскликнул он с сожалением. — Да ведь они же черные! И от них пахнет. Мы линчуем негра, лишь только узнаем, что он жил с белой, как с женой. Сейчас его за шею веревкой и на дерево... без проволочек! Мы очень строги, если дело касается морали...

...Он внушал мне теперь почтение, с которым невольно относишься к несвежему трупу. Но я взялся за дело и должен исполнить его до конца. Я продолжал ставить вопросы, желая ускорить процесс истязания правды, свободы, разума и всего светлого, во что я верю.

— Как вы относитесь к социалистам?

— Они-то и есть слуги дьявола! — быстро отозвался он, ударив себя ладонью по колену. — Социалисты — песок в машине жизни, песок, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма. У хорошего правительства не должно быть социалистов. В Америке они родятся. Значит — люди в Вашингтоне не вполне ясно понимают свои задачи. Они должны лишать социалистов гражданских прав. Это уже кое-что. Я говорю — правительство должно стоять ближе к жизни. Для этого все его члены должны быть набираемы в среде миллионеров. Так!

— Вы очень цельный человек! — сказал я.

— О, да! — согласился он, утвердительно кивнув головой. Теперь с его лица совершенно исчезло все детское, и на щеках явились глубокие морщины.

Мне захотелось спросить его об искусстве.

— Как вы относитесь...— начал я, но он поднял палец и заговорил сам:

— В голове социалиста — атеизм, в животе у него — анархизм. Его душа окрылена дьяволом крыльями безумия и злобы... Для борьбы с социалистом необходимо иметь больше религии и солдат. Религия — против атеизма, солдаты — для анархии. Сначала — насыпьте в голову социалиста свинца церковных проповедей. Если это не вылечит его — пусть солдаты набросают ему свинца в живот!..

Он убежденно кивнул головой и твердо сказал:

— Велика сила дьявола!

— О, да! — охотно согласился я.

Впервые наблюдал я силу влияния Желтого Дьявола — Золота — в такой яркой форме. Сухие, просверленные подагрой и ревматизмом кости старика, его слабое, истощенное тело в мешке старой кожи, вся эта небольшая куча ветхого хлама была теперь воодушевлена холодной и жесткой волей Желтого Отца лжи и духовного разврата. Глаза старика сверкали, как две новые монеты, и весь он стал крепче и суше. Теперь он еще больше походил на слугу, но я уже знал, кто его господин.

— Что вы думаете об искусстве? — спросил я.

Он взглянул на меня, провел рукой по своему лицу и стер с него выражение жесткой злобы. Снова что-то младенческое явилось на этом лице.

— Как вы сказали? — спросил он.

— Что вы думаете об искусстве?

— О! — спокойно отозвался он. — Я не думаю о нем, я просто покупаю его...

— Мне это известно. Но, может быть, у вас есть свои взгляды и требования к нему?

— А! Конечно, я имею требования... Оно должно быть забавно, это искусство, — вот чего я требую. Нужно, чтобы я смеялся. В моем деле мало смешного. Необходимо вспрыснуть мозг иногда чем-нибудь успокаивающим... а иногда возбуждающим энергию тела. Когда искусство делают на потолке или на стенах, оно должно возбуждать аппетит... Рекламы следует писать самыми лучшими, яркими красками. Нужно, чтобы реклама схватила вас за нос издали, еще за милю от нее, и сразу привела, куда она зовет. Тогда она оправдает деньги. Статуи или вазы — всегда лучше из бронзы, чем из мрамора или фарфора: прислуга не так часто сломает бронзу, как фарфор. Очень хорошо — бои петухов и травля крыс. Это я видел в Лондоне... очень хорошо. Бокс — тоже хорошо, но не следует допускать убийства...

— ...Вы бываете в театре? — спросил я старого раба Желтого Дьявола, чтобы остановить его хвастовство страной, которую он осквернил своей жизнью.

— Театр? О, да! Я знаю, это тоже искусство! — уверенно сказал он.

— А что вам нравится в театре?

— Хорошо, когда много молодых дам декольте, а вы сидите выше их! — ответил он, подумав.

— Что вы любите больше всего в театре? — спросил я, приходя в отчаяние.

— О! — воскликнул он, раздвинув рот во всю ширину щек. — Конечно, артисток, как все люди... Если артистки красивы и молоды — они всегда искусны. Но трудно угадать сразу, которая действительно молода. Они все так хорошо притворяются. Я понимаю, это их ремесло. Но иногда думаешь — ага! Вот это девушка! Потом оказывается, что ей пятьдесят лет и она имела не менее двухсот любовников. Это уже неприятно. Артистки цирка лучше артисток театра. Они почти всегда моложе и более гибки.

Он, видимо, был хорошим знатоком в этой области. Даже я, закоренелый грешник, всю жизнь утопавший в пороках, многое узнал от него только впервые.

— А как вам нравятся стихи? — спросил я его.

— Стихи? — переспросил он, опуская глаза к сапогам и наморщив лоб. Подумал и, вскинув голову, показал мне все зубы сразу. — Стихи? О, да! Мне очень нравятся стихи. Жизнь будет очень весела, когда все начнут печатать рекламы в стихах.

— Кто ваш любимый поэт? — поспешил я поставить другой вопрос.

Старик взглянул на меня в недоумении и медленно спросил:

— Как вы сказали?

Я повторил вопрос.

— Гм... вы очень забавный малый! — сказал он, с сомнением качая головой. — За что же я буду любить поэта? И зачем нужно любить его?

— Извините меня! — произнес я, отирая пот со лба. — Я хотел спросить вас, какая ваша любимая книга? Я исключаю книжку чеков...

— О! Это другое дело! — согласился он. — Я люблю две книги — Библию и Главную Бухгалтерскую. Они обе одинаково вдохновляют ум. Уже когда берешь их в руки, — чувствуешь, что в них сила, которая дает тебе все что нужно.

«Он издевается надо мной!» — подумал я и внимательно взглянул в его лицо. Нет. Его глаза убивали всякое сомнение в искренности этого младенца. Он сидел в кресле, как высохшее ядро ореха в своей скорлупе, и было видно, что он уверен в истине своих слов.

— Да! — продолжал он, рассматривая ногти: — это вполне хорошие книги! Одну написали пророки, другую создал я сам. В моей книге мало слов. В ней цифры. Они рассказывают о том, что может сделать человек, если захочет работать честно и усердно. После моей смерти правительство должно бы опубликовать мою книгу. Пусть люди видят, как нужно итти, чтобы подняться на эту высоту.

И торжественным жестом победителя он обвел вокруг себя.

Я чувствовал, что пора прекратить беседу. Не всякая голова способна относиться безразлично, когда по ней топают ногами.

— Может быть, вы скажете что-нибудь о науке? — тихо спросил я.

— Наука? — он поднял палец, глаза и посмотрел в потолок. Затем вынул часы, взглянул, который час, закрыл крышку и, намотав цепочку на палец, покачал часами в воздухе. После всего этого он вздохнул и заговорил:

— Наука... да, я знаю! Это — книги. Если в них хорошо пишут об Америке, — книги полезны. Но в книгах редко пишут правду. Эти... поэты, которые делают книги, — мало зарабатывают, я думаю. В стране, где каждый занят делом, некому читать книги... Да, поэты злы, потому что у них не покупают книг. Правительство должно хорошо платить писателям книг. Сытый человек всегда добр и весел. Если вообще нужны книги об Америке, следует нанять хороших поэтов, и тогда будут сделаны все книги, какие нужны для Америки... Вот и все.

— Вы несколько узко определяете науку, — заметил я.

Он опустил веки и задумался. Потом вновь открыл глаза и уверенно продолжал:

— Ну, да, учителя, философы... это тоже наука. Профессора, акушерки, дантисты, я знаю. Адвокаты, доктора, инженеры. All right. Это необходимо. Хорошие науки... не должны учить дурному... Но — учитель дочери моей сказал мне однажды, что существуют социальные науки... Этого я не понимаю. Я думаю, это вредно. Хорошая наука не может быть сделана социалистом. Социалисты вовсе не должны делать науку. Науку, которая полезна или забавна, делает Эдиссон, да. Фонограф, синематограф — это полезно. А когда много книг с науками — это лишнее. Людям не следует читать книг, которые могут возбудить в уме... разные сомнения. Все на земле идет как нужно... и вовсе незачем путать книги в дела.

Я встал.

— О! Вы уходите? — спросил он.

— Да! — сказал я. — Быть может, теперь, когда я ухожу, вы, наконец, все-таки объясните мне — какой смысл быть миллионером?

Он начал икать и дрыгать ногами вместо ответа. Может быть, такова была его манера смеяться?

— Это привычка! — воскликнул он, переводя дух.

— Что привычка? — спросил я.

— Быть миллионером... это привычка!

Я подумал и поставил ему мой последний вопрос:

— Вы думаете, что бродяги, курильщики опиума и миллионеры — явления одного порядка?

Это, должно быть, обидело его. Он сделал круглые глаза, окрасил их желчью в зеленый цвет и сухо ответил:

— Я думаю, что вы плохо воспитаны.

— До свиданья! — сказал я.

Он любезно проводил меня до крыльца и остался стоять на верхней ступеньке лестницы, внимательно рассматривая носки своих сапог. Перед его домом лежала площадка, поросшая густою, ровно подстриженной травой. Я шагал по ней и наслаждался мыслью о том, что больше уже не увижу этого человека...

Печатается в сокращенном виде.